

ПРОСТИТЕ НАС, АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

**С него начиналось
увлечение джазом**

УМЕР старый музыкант. Он долго угасал, почти забытый, на окраине нашего большого жестокого города. И мы даже не знаем точной даты — где-то в конце августа. Тихо ушел.

Александр Варламов...

Для людей моего поколения это имя было легендарным. Для тех, кто постарше, оно было окружено не только славой, но и любовью, ибо олицетворяло собою джаз. А джаз, этот голос счастья и свободы, в ту пору неподдельно любили. Настоящее чувство не боится иронии, и Петров с Ильфом запросто называли любовь к джазу запоздалой и нервной, а своего кумира не иначе как «стариком Варламовым». Наверное, всякая любовь была в 30-е годы нервной, но призналась лишь эта, хотя вряд ли она в то время олаздывала. Это сейчас, когда джаз поря заносить в Красную книгу, момент лисбви упущен. Нужно что-то более существенное. А тогда джаз ходил в белых фраках, пролеткульт пужал джазоманией, и «старику Варламову» было только тридцать.

Вопреки тому нервному времени его сладкий тенорок пел нам и про коварство в глазах под сенью ночи, и про бледный свет луны, и про облака, безо всякой задней мысли толпой бегущие на запад. Его оркестрик играл последние новинки американского джаза, храня два драгоценных качества — мастерство и вкус. Он не играл ни про лимончики, ни про родину, он честно делал свое дело и, кстати, никогда не был объектом анти-джазовых гонений даже в то зыбкое время.

Спросите любого нашего джазмана — среди них теперь немало знаменитых — и почти каждый скажет: его увлечение джазом началось с Варламова. А он не задавался, не относился к себе как к родоначальнику. Потомок яркого артистического рода, он был единственным остатком дворянской интеллигентности в советском джазе. И любовь к нему была высокой.

Даже со стороны блатных, которые оберегали его от лесоповала, куда он загремел в голодном сорок втором по доносу какой-то суки. Щиколотки арестованного были раскрашены в клеточку — у артистов в годы войны не было носков.

«Очень жаль тех бездарно пропавших тринадцати лет, — виновато улыбался почти совсем слепой композитор Александр Варламов телесемочной группе, пришедшей поздравить его в прошлом году с восьмидесятипятилетием. — А теперь я не знаю, что сочинять, о чем писать. Одна осталась мечта: взять садовый участок — Союзу композиторов сейчас дают — и пожить на природе. Так аездь от-казали».

«Мы ребята ростом велики, бравые ребята сорняки», — сочинил он когда-то веселую пророческую песенку. Ах, если бы не Ксения Александровна, друг его единственный!

У меня чувство вины перед ним. Я редко с ним виделся в последнее время, а когда звонил, слышал его не меняющийся тембр, легкую, живую речь, испытывал наслаждение от беседы.

Всего недавно, в свой день рождения я видел по телевизору его белоснежную шевелюру и царственную осанку в неизъяснимо печальном фильме Саши Марьямова «Опавшие листья», не ведая, что вот и еще один лист в полете. А назавтра в «Советской культуре» прочел некролог.

Алексей БАТАШЕВ.

Специально для «Московского комсомольца».